

23). Законьы (фрагмент)

Филипп Соллерс
(перевод В. Зильберштейна)

法

Структура тома неясвенна. Переход от квадрата («Числа») к кубу.

Шесть основных граней (шесть «книг» или шесть «песен»), каждая из которых представлена и лицевой и изнаночной сторонами. Таким образом, каждая книга или песня содержит двенадцать эпизодов. Начало «книги» определяется по слову из прописных букв, повторяющему одно из слов первой фразы текста. Доминанта книги I — космо-теогоническая (Гесиод-предыстория). Книга II главным образом отсылает к Греции-христианству. Книги III, IV, V, VI: современная капиталистическая эпоха с поперечным акцентом на революционную реальность (Китай). Спираль-возвращение-прогрессия через подавление желаний. Субъект/Массы (предположим субъект в кубе).

Раскальвание/развенчание мифа отношений воспроизводства

через последовательность способов производства.

«Выявление творческих дарований... без каких-либо других предпосылок, кроме предшествовавшего исторического развития всех человеческих сил как таковых, безотносительных к какому бы то ни было заранее установленному масштабу» (Маркс).

«Вечные законы природы превращаются все более и более в исторические законы» (Энгельс).
Технические отсылки: Рабле, Джойс.
Десятисложник: героические поэмы, песнь о Роланде, шекспировский стих. Актуализация лексики (с мая 68-го). Остроумие (Фрейд).
Линия положительных героев: поэты, материалисты, диалектики, революционеры. «Линь — главный шнур сети. Когда за него тянешь, ячейки расширяются» (Мао).

Ф. С.

отринут лицом к лицу, отрицая мембрану, вход: то, что там есть, существует и вне; а того, чего нет, нет нигде: НЕ-
в куб возведенный, теперь про-рываая, бульжника всю шести-гранность кидая, скрепленный, забытый: фильтрация и удаление лишь элементов, кативших до мига, когда оборвалось падение. Голоса: возносится что-то из той глубины/ достигнут пункт накопления- все круги изнутри замыкая, то есть квадратные сферы в сползании, то есть, напротив, в самом распу-скании, то есть вся совокупность в движении, в свое полотно себя же сгибая себя же считая: всту-пление а — единенье нутра своего и границы своей проникает за край горловины и там залипает- он, слюной с чешуей облепленный, стремится понять, кем был вычер-кнут и кандалами пленен; и в какой уже раз оказался вновь призванный вооруженный... Он так по нужде нареченный и отдающий им силы заряд свой мертворожденный... За-кутан в яйцо еще менее чем ничто, которое свершено, сглаженный или оформленный менее чем ничто, чрез которое можно войти... Черный уголь слепой вне откоса, притертый встык к плоскости тусклой, сталь-ной, и к дыханию принужденный, дабы заставить их говорить, движи-тель клеток в их вечном смещении, приговоренный выуживать, вы-купив их отражения, равноритмич-ность блевотины их затаенной - (здесь в силу природного противоре-чия, корча отвод утомленной руки, мозг отжимается в центр сведенный,

учение палки в вагину устремлен-ной позволив общине предстать утвержденной)-
итак, он отвязанный, освобожден-ный, но все еще скорченный, долу склоненный... Если один разделить на два на дне глубокого рва, кото-рых окажется два, а орудие называть обратным усилию вдоль оси, как если дитя у себя изнутри подтянулось бы вверх на искусственных ручках, поскольку основой его исторически были запястья лодыжки там им-пульс нервический, сам же блуж-дающий пористый и вне-конечный хронически... Так, всякий раз, как припрет извержение -ударами мер-ными в гонг отбивает хвост нитью стальной оплетенный, — надрез кровоточит возврат исчезания- и бу-дет дитя наречен испражненный из месива тьмы-таракани, то есть извлеченный из маточной ткани, пространство уже простыней под-жидает вперед выходящее темя, а еще разделяет вены каналы время-

全簡玉字經

Итак: в общем женщины дробят на мертвых, а значит, слюна их кислее, в подмышках и лоне их сосредото-чие всех их познаний. Так: женщина хочет мужчину, ну, как пидорас пидораса неявного, затаенного; мужчина желает женщину, как другого мужчину, им забытого или умерщвленного; мужчина желает мужчину, как женщину, которой он никогда не станет; женщина хочет женщину, как свой негатив мате-ринский и членами статный, что ей

позволяет представить свой образ приятный. Итак: вот запрет иль скорей ухищренное поощрение инцеста, сиречь отношений подспудных паскудных мать-сын-отец-дочь иль скорее мать-дочь-отец-сын, указывают на то, что подписан совместный контракт производный, поскольку другой породитель представлен как вожденный лишь для сотворения слепка с собственной копии повторенной... И вот получается то, что случается, воспроизводится там, вовне, то, что они, без конца исторгая, скрывают, а если учесть, что начало всегда наступает спустя: а спустя значит после того, как уже распадется сплетение всяких передниц и задниц, которых волнует сравнение, матери, поимевшие сыновей, словно дочери матерей их отцов, а отцы, нос по ветру, плывущие по морям-матерям к сыновьям, которыми были бы по отношению к отцам, в свою очередь их бороздивших... Попробуем выявить отзвук начальный, материей сохраненный: нет, в стороне от его горловины пересеченной. И диалектически спросим: какую же комбинацию исключили? А ту, в которую вас включили. Он, ползя, усеченный, сначала вперед головой, чтоб у них вырвать силой прибытие за первобытные кости и черепа, вязанки грубейших орудий горой, восходя шаг за шаг камень бронза, скользя собирательство после охота и рыболовство, а далее рев мамослиц, вместе согнанных и отныне домашних... Он наделен штукловиной, которую вынужден вечно таскать и которая призвана напоминать аромат травагины умятой, как

старый колбасный огрызок кровавый. Полые легкие ветр пробивание газ возгорание перед-сдувание-

теперь пролистаем древний папирус, где невротический шок восходит к тому, что первичный толчок: воспоем, призывает нас старец, чрез знак запаленный, тех самых, кто петь увлекает нас к горной вершине, где темный источник, а подле коитус продленный, там пляшут они и мелькают их ноги... Они хороводы заводят, резвятся, купаются, бегая и порхая, в туман одеваются: ночь их созвучие расширяет, славя того, кто всем заправляет, и златообутую деву, чей взор очень страстный, того, кто все враз сотрясает, и тех, у которых коварные мысли, они поют, славя и землю и море луну и иных, над которыми смерть никогда не властна- они говорят: мы умеем лгать, но можем и правду сказать- посох ветвистый они мне даруют и брызгами плещут грядущих и прошлых акцентов, мне повелевают и мной управляют- песней созвучной о том, что же есть, что же будет и что уже было, а губы их девственны и светлы, и шевелят они горные пики и снег, принимаются совокупляться во мне небосвод и земля, ибо такая моя стезя- будто, взойдя на священное ложе, отец спермаячил над памятью девять ночей, а спустя девять месяцев память дала девять дев непохожих, у каждой в груди словно музыка пеной застывшая на вершине- песни их в черной земле отдаются, идут они к члену отца, что все

дрочит с тех пор, как повергнул отца своего, того самого, что собой время являл и укромно по-своему жизнь выделял экономно-те, кого нарекли королями, суть призваны пить беспрестанно от отчего члена, пока не раскроется шутка, и если язык им был дан сверх того, то они были скрытой причиной его, троекратный тривзвон: тетива, словеса и закон-те же, кто выжил и вскормлен был морем, должны нам поведать раскатистым гласом, откуда явились земля, с нею реки, водою набухшие, звезды и неба глубины, а после херы и привилегии их при разделе первейших достоинств горы, по свидетельству старца, обильноложбинной-прежде всего, повествует нам тот, чей дрейфующий, йодом пропахнувший труп увлекут за собою дельфины в кортеже морском, значит, прежде всего была бездна иль хаос, сиречь, пустота иль провал глубина, разделявшее небо и землю пространство тянуться могло бесконечно, поскольку не ограничено было ни сверху, ни снизу, землю иль небом, так вот, значит, пропасть, причем, не забудем, безмерный разлом разрывает навеки, затем над влагиной той мрачной планета с боками, осевшая в стороне и доступная всем, кто живет, и немедленно стебель, запретный для смертных, ломая конечности, легкие их заполняя боязнью невольной и кровью сердечной раздольной-из бездны, здесь взятой в том смысле, который я ей придаю, восходит ночная река с серой тинной,

а следом из мрака ночного, воздушность, неся свет дневной: так, сначала, пусть хронологически или логически, этой землей порождается тело, но равноширокое ей самой и способное покрывать и лобзать ее повсеместно, наш старец его нарекает не раз небосвод или звездное дно, а по сути, то цоколь иль акрожополь богов иль, иными словами, грядущее преумножение елдов... Земля, таким образом, призвана конфигурировать плазму, которая позже разветвится в сон: а там далее гроты, холмы и долины, где самки-фрагменты сподобятся петь в унисон, но земля возбуждается так бесподобно, что хлещет морскою средою, причем ее старец нарекает осторожно бесплодной, и это при том, что она не сношалась, а якобы мастурбацией перебивалась-с нею не путать поток океанов, излитый в коитусе, чьи экскременты, секреты делятся на кровяных великанов, потоки которых творят через семя, вслед за памятью и дерьмоватой короной, в подсознании золотой, ребенка отцеубийцу: время-вслед порождаются те, у которых единственный глаз в середине лица, великие ростом под самые вышки, а небосклон продолжает округлость сексучить без передышки, из нее так и прут эмбрионы, а некие — о пятидесяти головах, но откуда они вылезают, вот главный вопрос, ибо мы до сих пор пребываем во мраке глубинном миздрищи: самцу же противно сие вырождение, он начинает прикидывать стоимость спермозабвения и смекает, что

означает спустить в увлажненное от наслаждения- так, возжелавши зародышей скрыть, зафигачить обратно в утробу расслабленной бляди, он затыкает ее своим членом огромным, она ж начинает вопить, словно он ее в зад отснарядил- до момента того, для нас, будто бы не было ничего- и тогда замысливает она план коварный: собирает руду, выплавляет железо, с него ухитряется сладить в себе заостренную злом кривизну, затем сыновей призывает: ребята, а ну, раскромсайте мне этого гнусного типа, либидинала, хочу насладиться и вами чуть-чуть, а он чтоб отвял, доставала- внутри дети дрейфят, не трусит один, тот, с которым равняется время и которому выпадет в жизни еще пострадать за отцовское бремя: его возбужденная сфера глотает, дает себя нюхать и щупать под кожей и научает серпом управляться без дрожи... В тот миг, когда папа небесный, неся мрак ночной и пылая любовным желаньем, является и на нее возлегает, сынок, если я понял правильно, вылезши из рвагины, ему с поразительной ловкостью муди и уд отсекает, а после, как старец вещает, подальше куда запускает, пока мама в крови, что еще не остыла, струячится млея совсем как кобыла- однако использует, чтобы зачать от его окровавленной спермы и выродить тех, кого старец назвал кровоблудием ясеня, стало быть, к ней и восходит наш род, ваш покорный слуга и его беленою

чреватая рожа, тогда как иные влекомы скорее камнями и желудями. Тут важно сказать о судьбе отсеченных мудей, в океане плывущих, затерянных напрочь без водных путей: не пропала эрекция, сперма как снежная пена все течет и течет из обрубка-нетленного члена...

Из нее порождается самка, как старец вещает, плывет к островам и выходит на берег, и травы под влажной ногой вырастают: с тех пор ее функция то и дело подергивать за детородные органы тела, вот так, невидимкой, незваною гостьей снует постоянно ко всем, завлекая как скрытая щель, отчего до сих пор называют ее в просторечии: яйцетягучей и пенистожирной, чей лик озарен-

начало времен яйцеклетке растущей, под пломбой дупло, не сознающей: родитель массив чернеет внутри, загнивая. Он раскрошился и в небытие удалился. Насколько могу я себя ощущать и готов отвечать за плавучесть, языком надлежит, напрягаясь, одаривать самок и к ним изливаться в текучесть. Они позволяют себе раззадорить бутон, открывающий путь, но не глядя, всегда в темноте. Так упорствуй соси и глотай то что ближе дыхание сперто расплющены ноздри: томат менструаций того, кто когда-то был назван дедулей сакральным, а ныне предстал бабульем клерикальным и межнациональным, дырищай, заткнута херово заклеенным хером. Религия основалась таким вот манером! И если ты сносишь

ужимки и запах, как они, постоянно и чинно маячишь вблизи, то в ответ огребешь целый пуд мелодрамы. Как застали они запыхавшихся у колыбели дуреху и дурня потеха увидев их со спины в зад сношавшихся с пылом а в зеркале эхо. Они под сурдинку твердят о падении нравов, вторят, повторяются неумолимо, как совокупляется влажное с мокрым неудержимо. Подробный осмотр столкновений дарует умение ретроспективного зрения, зов всех предьявленных жоп ширина глубина и тогда зарожденья начальные можно осмысливать словно анальные анализировать схватки колец анналами заткнутый анус три пасти не две же ячейки и триединый венец. И пока еще действует этот закон хитрожопосплетенья, никаких пересчетов для членов наружного выведения. Пока ритуальность папаня-маманя ведется на мертвом мечтою гнилом языке, невозможно расставить везде ударенья, немислим огрех пострашней чем утрата зубов, позволяющий член ей вовнутрь принять, дитя гигиенное ввод и туда и сюда, научающий, как заправляться, чтоб заново раздуваться... Поэтому древним и нравилась вера, как будто бы он уродился от битого хера. Что ж можно в таком бардаке распознать, кто внутри, кто снаружи, непросто понять-

а история типа на вспухших ногах, невпазд урожденный, клейменный, отосланный, возвращенный, убийца по случаю и по велению рока, попутно изрекший ответ,

после трахнувший маму-царицу, которая этого, впрочем, ждала, затем брошенный в слепоте и ведомый дочуркой в лесной темноте... Лай пустой ширпотреб образованных классов шаблонно к приличиям льстивый. На самом же деле папаня снискал себе славу как пидер блудливый, мало того, в ту эпоху чумную он был педераст официальный, но молчок о той встрече оракулоральной! поскольку папирусы зело стыдливы! Похоже, что папе-царю захотелось оттюкать румяного сына, который навстречу ему выходил на закате под вечер, тут спшиблись и прочее вжик и в момент оприходован был пациент! Равнодушно богатая публика воспринимает трагедию и ее цену, умудряясь в дремоте грешки переваривать, тысячи колкостей переговаривать, но уже вытеснен папа в жопу за сцену. И никому из самцов, понты — не понты, не пронять даже самую мелкую самку, вот первый мой тезис в ответ на мозгов промыванье и насаждение рекламной ботвы, и спросите у них, правду ль я говорю, то есть, в общем, сумеете ль вы если сумеете, ибо гарантии никакой, что сумеете вы, половчей, чем они, приблизиться к витиеватости их искривленной. Так знайте, придется действовать им с материнского края и с памятью об оскопленном папуле, а значит, себе подбирая дуплетом любовника-мужа отбор чрез папашино сито, в то время как пенис стабильный обобществленный заказан к сливанию в холостожопье декорами в рамках кредита.

Любовник мудила пред ними является, слюнки у них текут, и они у него сосут. На самом же деле желают сильней впечатлений, ведь помнят еще об антично уделанном члене, скребя и скобля нежно яйца сыр плавленный для укрепления, твердое чую и зарясь на сочность табу из под внутренних тканей указ направленья безвестным солдатом в дыру умертвления. Страх ожиданья зародыша до замиранья и черные жидкие и распаленные бьющие кровотоками обремененные утомленные весь их расчет распадается и упраздняется яд вековой возвращается в вены и снова роток простыня и замаранной ваты комок-

скатерть испарина лист обгоревшей бумаги средина рисунок раскрашенный и говорящий. Он крепнет, и вновь видит звезды, опять гравитация на ноги ставит... Ребенок хныколакает путь наводненный, предупреждая толкая пятка живот. Пройдя диск цилиндр кулич а затем и катушка надута балетнообута. Затем утопление дно голубое гримас разьедавшее окислявшее и вопящее. Вдруг появляется море микробы воздушное рыбе-кричащее. Сам себя определяет как ту идентичность, которую исключает. И в смерть свою сам с собою играет, мамашу родную и няню себе представляет. С него начинанье. Либо смещенье, где все поднимается и возвращается в ряд, гигантская масса колосьев пшеницы скрывая внезапно равнину, и в черепа эха живому экрану звучание. Одушевленный скелет от напряжения и кровью

сочась. В пустоту! Проплывая меж трубками зубы плеснувшие ляжки мудилища зевы и рыбы мочась абортируя и говняясь. В окружности точка супероргазмит когда крематочная печь позволяет пройти сторомной очень плавно. Чрез жирное варевое. Здесь допустимо, что это должно вновь зайти с вычитания дырка сокрытая дырка под маскою дырка в ответ попадание. Где все было, вернитесь насильно и насмерть ловите рельеф, который срезается, переполняя пространство, на атомы распадается. Передан сказан тут радий являя музеем кишаций лепной в лес густой, эмбрион ритмовой из механики вмиг вырывая. Сабасий! Соленый бассейн. Протекающий запад во сток и до химии завертелой. Язык что черта под наркозом на вдохе. Волокна и раны и жилы и кость погребенная коагулирует до пожелтения нервов когда есть страданье. Кора мозжечок процежен очищен. Пульсация бьет распадение атомы образ лучом проходящий вдоль сумрачных электронов и здесь контражур восходящий. Отпрыгнул подальше теплящий. Давайте, давайте, пусть ваши ладони по ветру рыданий вокруг лба отбивают каденцию плаванья ибо во все времена умудрялась вести мрачно-парусный грузный корабль с пассажирами до неизвестного берега без солнца гостеприимного в черном еще до того как свет поглощать. Я семя разбрасывал в дар борозде, где родился, ничейный удар, окровавленный корень! А ныне: прилив на отлив поменять-

спаскок!
восходит история через стирание:
кружит-вращается к скатерти
раздувание в миг когда нет никого
чтоб себя повторить... Изрытое
роется тысячи лет, чтобы доступ к
слоям поплотней получить... И
ныряет вовнутрь в глубину зерно-
вых отражений, скоблит аж до дна
до изнанки скрывая долины, торчит
из волос, из спрессованных ли-
стьев... Ускорено им пульсом из
мамаховины! Смещенное родослоя-
ми смешалометаллов! И как все
поехало! Дуй-обалдуй напролом под
лиственной! Перегнивший и игривошипелый
в слюнищах поддал во весь дух
угорелый! Затор неизбежен в
забитой лохани, кидалово для
папани, который присматривал за
биде, распуская на пыльном полу
мандовошек сверхмамакомплектно
и плющил губищи о спайку мочи и
грязищи... Она контролирует страх
расщеплением памятьмозга костей,
он бредит скоплением через сосание
противня... Вот все аван-черепачто
надеты-нанизаны, толстые мишки
коггисты-обгрызаны, о почивания
долгие их предшатровые, о векож-
дания их несмотря на ошметки...
Вот зубы рога очаги кислострый
колпак древоколия, раковинкиста-
доры и лошади-дротики жадным
дыханием воткнутопрозра легкимо-
вея скалу увлажняя свой крюк в
замурованной чистой крови...
Hourshoum! Grignash! Gilgame!
Tropets! Зигзагируя пар от оленей
плывущих, вот скотство поломан-
ных веток разбухших. Над гротами
высятся люльки, и тянет зародыш
резину до-срока. Итак: баюбай

засыпляюшко телообразному
homoi, мощною шуруй внутрь
утробы до взрыва, пристенку-при-
бой сплав прилива отлива. Включе-
нье твое эластично мечтою укрытое,
цивилизованный вновь заставляет
его залезать, начинает в насосах для
ев разжижать, в хранилищах
дуто-бумажно. Продвигайся блюдя
осторожность охочий до всяких
ландустов но без парадустов и
выплывший из дождя, замастырь
вновь укол во всю шири-биби грудь
покатило в забвение плывшее там,
где стекает в грядущий виток имя
гравюра и складка в неизречение.
Коль из ножищи оторванной дрок
вырастет, к мосту возлежащему труп
дозревает: здесь зреет спиральями
шланг волоконный и льнет он к
миздрище лелея в себе неуклонный
отросток веревочный лентохтон-
ный... Шар, ребенок река и вода
утекай, птица кальцием оснастись и
летай, пей рука моя пыль и щека
моя омовения, будь осторожен в
процессе вкушения: и актер здесь
вещает к своему удушению-
сердце млеко питай, если хочешь
пробиться-
оно поднимается, тыкзасаждается в
недра влагалины с цикличной прото-
кой: и первые в ямках прорытых
кончаются, девы ж промазаны
свежей молокой, для возвращения
шмыг в погребение. Сперма, о
сперма, сколь эгосмолищи, сдержи
вознеси отражением шишковид-
ным... Итак: для начала дrochenье
потом усечение конца а затем очень
прочная пусть и подложная штука а
там отсеченная штукуевина в обла-
чении... Рецепт! Оросительным

ситом! Кровотечусть не нравится самкам и мед изливая ранами спинами отрицая... Расширь же проем к еванутой дырище... Дуплет при хвостике двойном из под ультрамамищи... Однако, едва им сынков отрезают, они шмяк садятся на них и скорей потребляют слюна по оси застывает и наслаждаясь сжимают колени свои, которые спазмосведёны. Начала нервные шхер кавернозные. Химиистический! Антропотроп! Динобронх! Игуанаводняются! Птеродоктрины! Андропо! По! Поп! Пипи! Те! Тек! Палео! Нео! О литий! Тик-так!

Зиг! вздрюченный вакуум ничто, вскользь откинут разрывом пиширки уятой. И роль его вписанный минерал. И стадии бляшки пробирки воздушные в башне цилиндр стоймя затвердевший. Уж если папаша сдыхает от кровотечения в ухе, то эякуленный марает тампон охлажденный при том инфицируя жирную кожу и серые ткани... Пусть киснет смердит! А кто говорит? То знаток-эрудит. И шокирован нерв аж до самого крика: автоинверсия вызывает падение, круглый ковер под ударом сочится, и детским акцентом его добела доведение. Клетка-поток и щеколда для матери рельс интервалами план растяжение... На ноги вставший зверек вот моя сверхсонова, на время сражен в сочетании, я отмеряю все капельки, кашицы, ягодки, ах вы детишки мои, я весь трепетный лепесток... Земля, землявновь, вновьземляна-конец, голубок, мне прозвание-поселенец, и меж тонами таянье-ме-

сяц, я вновь выбираю свой ракурс рыбешки-начала в мой глаз напрямик роговой жировик. Мой расчет эмбрион в глубине для меня огорчение, в нем никак мне не вычленишь собственный член, все в моем учреждении завалилось на хрен... Разгадывать некому, все в изумлении. Значит, мы сдались, мы стейк языка! Ну а самка чего же желает? Добавочный уд или лучше бы шут в суперзвании духовика-трубача! И номер его стгоряча! И так, взглянем планета глухим закоулком система и функция мам даже там где звериная тема: вот homo чернеющий фон и клоакою хронотрон. А послушать их глупые басни, изнаночный треп и пык-мык, что из рук ускользает, и баба будто мужик, а мужик будто в бане обабленный сходу в заоблачном караване... Бирюльки и косы волокна теплей облекает при первой оказии! Не далеко и до азии! Кстати, куда подевался другой персонаж и смеха его замолканье? Привычка его морить голодом пёзды, в пистоноделянках будить содроганье? В инкуб изливается мания. А сучараязык сексуальность бьет козырем туз-оборот и много в провод. Здесь ни слова о мидиях, их порождении и оформлении! Кратко толпа излагает: случайность забегом сначала растенья дожди отравленья затем вызывает брожение циклически в накопленье... Невозможно прожить при обвале зубы ломаешь при отдалении близком. А нет, так, давай же, чуди и зуди, и глаза себе выдави тоже, и в прочих воспрянь, над их именем

хлипким восстань чтоб негоже!
дерьмовый суккуб на сук в кубе
похожий расплющи и тыкай в них
пилкой своей эй! ты! метапрохо-
жий-

Заг! Шрама двойной в электриче-
ский шок не касаясь к вопросу
струя... И в итоге додумался я! Это
мыслится мною! Пупок из анклавья
в стеклюю! Любезные ангелы бесные
все прибывают попарно и все
наседают упорно, чтоб их нарека-
ли... Слово дается в мочале, но до
этого слово должно где-то взяться,
ибо члены желают увековечья,
подчлены под слово-экран раздува-
ния, непроницаемы вновь запускае-
мы словно к улиткам-уздам, по
проходу воздушному в мелобед-
лам... Не лучше ль рискнуть под
уколами краба-копателя? Да.
Морщины сферичность замедлив
расплющив среда, справа шевелится
влево сплавляется слева направо
и вновь возвращается страх застыва-
ет. Допустим: какой-то актер
обладает узлом эластичным для
дикции. А притесняемый страус
страдает и несет клад яичный
к песочнице-фигции. Первый
второму Che vuoi? говорит в коридо-
ре что меж двух решеток. Второй же
Che vuoi?³ голосит в свою батарейку
для звука... Быкосел! В штате
принят до смерди? Невинный
иисуух в окружении сододемонов?
Ну не блудим об этом. Рукам
торакальным машинальным меж
легкие-отстранение. И повторение
вряд голова и киста руль подкладка
горючее тыр-
тархтение дыр... В бессознательном

храпо-бугристость с пороком, один
же сознательный стоит дороже чем
двое признательных пусть даже воя.
Вжимая спиною нервюр нерадивый,
о тяготение жаждающий смешли-
вый когда он сует с суетою! Тогда
вот и нужно спектрите весь словар-
ный волдырь! Обозначены гласные
круг душисты согласные нёбо завеса
и легчайшее колесо как пузырь! Еще
клетки! Член скорее подвигнуть,
орбиты достигнуть! Нуваще!
Нуваще! И достаточно. Жидкое
взбитое, вздутое, вспенное, кружит
срывается в удолбенное, полубезум-
но съезжает в густую спермассу,
закупорка ртути к молоконадойному
мясу. Я существую, а значит:
артерия пульсом отсос углеродом
взрывной пламяматерью дуговой.
Обоюдное переплетение синий
зеленый иль нерв небытья угрожает
чертя. Говорится, что вещь к нам
приходит из тьмы, посмотрите же
форму ее размножения, начинку ее
густовсосанной пены давление...
Песнопение. В стиле пегаса. Осте-
кленные вульвные слоги глотают
дырочки пестро-слоенные, струи
фонтанные, гейзеры, иглы соле-
ные... Ха! Словеса-словеса слишком
длинная ящерка-щель, без ума
черепаха и все на века! Разрывы-
слюда под моим языком как бы из
наждака, экскремент отфильтрован-
ный для моего nutriscapе⁴. Ха,
плоская голова и папаша-мамаша
под волей моей. Те! Как прекрасно
она раскрывалась под панцирем
жестким моим, увлажнялась под
золоченным удом моим... Как
прекрасно же он тверденел под
моим издевательским рыком, как

анус смягчался и разогревался...
Выложим яйца забытого мною...
Поднимем стропилище брахматер-
ное... Выйдем к лугам, что покрыты
росой, полетим мотыльками в ночи
полосной...

профиль ангелокрылый ходящий
земля так и море, игривовоздушная
факельно-пламная. Мшистые лапы!
А некто спускается облакорадуж-
ный, это отец михаил подлетает с
разгона, врзается всмятку чтоб
быть нареченным... Здесь обращен-
ное, здесь оглушенное: это зависит
от места конечное-бесконечное,
если первично конечное, значит
проходит насквозь бесконечное и в
нем исчезает, а если напротив
вторично конечное, то бишь, по
следу, не догоняет, то оно сочетается
с бесконечным, и новая сила письмо
изменяет. И если учесть, что ничто
не заполнено, все блистает, вновь
возвращается и блистает подспудно,
то выпрявить вовсе нетрудно ту
унику против-точку, тот принципи-
ал остановки иль определенья
масштаб поглощая с его внутризво-
ном, ты только представь себе
целостность рая... Актер весь
прогнил в этом эндо-хаосе, *omnia
finita definita sunt*⁵, свою плитку
чугун испаряя. Жара атмосфера
цветная зараз оставляет, кружение
головы растушевано вгладь, насилье
эффектом будда и монетой архонта.
Допустим, что двое всего лишь один,
который разбит на двоих, который
пьянодрожит за троих то есть
четверых и отринутым волосом
отрицая *omnia membranant*⁶ у
входа... Актер замерев в ослеплен-

ном и двигаясь все еще без ответа
индюк: сказать да иль нет как мог
он летать? Он настойчив к землице
закон применяя и потолок помечая,
видно ли снизу, и сзади толкая, как
нужно ль проходит, молекулу дерни
мою за бородку в ответ она держит
из сахарной ватки рулетку, объект
операции рассекается в деторожде-
нии, просится мамочку трахнуть и
вызвонить спермозапас уд глоток
как супешный поток. Вот в чем
загвоздка! Вопрос ключевой! Оно
мыслится в такт регулярно мензур-
ке, миздрищу мою ухвати же
щипцами скрипя принимайся сам
зубы сжимая жопу щипая и гребешок
теребя! А с изнанки, язык
снаделенный акцентами молвит
свой знак фильтрующий в рельеф
говорящий, препона для мух в
понимаз. О попытка обмена на борт
добела, о сей орган и хвори его в
коробок, ковыляя рождение в
противосказ, о ребенок милот
съёжеспящий мамашу скобящий в
ее захирени со скверною кожей и
наболевшей от мерзловагины
щелчками кричащей! Мадам правда
следует малым маршрутом, душа
опекаема бледными мамосамцами, у
коих всю жизнь мамосамки лизали.
Они, принуждаемы массой жиров,
на простейшем пипи экономят,
пространство взирая и цену себе
набивая. Мамаша стремится свой
фантазмо-оргазм, папаша банкует
себе отражение-скрыванье, и тут
заявляется полная жопа, чтоб
шлепнуться в месиво фраз, как бы
ключ сундука, что лучше держать в
запирании... я их ощущаю молчание
в разветвленном своем состоянии! О

голубь оливковый и увлажненный отток, мой поток-затумань и моя запыхань! Я существую, сказал он, когда мной снуют в плясовую, и следую существу, где существует оно, в чернеющей саже, на млечном востоке, дитя саломазотекущий подле овражи пьянящей-

Зог! Первый объем если сверху считать, то есть *lento*⁷ крутя словесами, со словом подаренным задней обложкой без слов в сцепке эхо истока словеснопотока... Что чи чичитай и чтитчи, чичитал, прочитал... Перечтет, четнечет, переводит и переведет, переврет наплетет? Бриз для фикций сгустившийся вокруг, горизонт из щитов превратился в могилу для слов. Осмысленный себя наполняет, но не раскрываясь, по сути, актер как промасленный-осмотренный. Расколотый мозг головной нам вредит проходя вдоль спинного, мудохая папу, туман восходящ в запылении, вот и вода высыхает в волнении вновь на отрезки делении... То мать натуральная ртуть суть и капли ее для лечения, снова скелет а поверх осквернение затенение... Повтори, повтори, пропульсни ближе к сроку, втори, прорасти в отражении эха... Втори про пульсир и прильни в эмульсир и так далее вновь в черепной твоей коже, разрастается грозовой, наслаждается рековой, повтори, повтори еще раз, да, скажи еще да, да, давай со всей силы, тебя возбуждает чрез полость скользя, анти атомы отвечают тебе да-да-да, и борьба их вся нет-никогда в этом

да... Повтори, повтори, повтори, повтори... С кислотой емкость цикл вознесен победив. Протяженное зеркало как разволнисто-прилив. *Aurea, dicta, aurea*⁸ вихри с печатью... Стремнина равнина с ее синеватю рожки фьють-фьють фьюти-пти птичьим сигналом от младших богов до предела яиц и пространство раскопок с угользавалом... Гениталии делят пластинно-опорно и встроено папа сменяя их там, где целуются дырки при полном раздрае... И это они называют елбнёнй, раздолбай! Ведь желтая птица, они заявляют в своей мутотени, не может не знать, где выкладывать яйца, она обладает чутьем и способна улавливать волны, как спутник антенной сигналы... Допустим: вот метод удобный мечтать о сознании, плюс электрод для катализа. Всунь-ка мне личный катод в придыхание... ремни перезвонные тучи пристегнуты скатаны шторы кручения горы ливень воздушнотекущий на летнем ветру

и возвращение-восхождение отвлекая внимание от ожидания: потеряв на заре обрета на закате приветствую жду руки в рукавах играю думая со своей водой утеканье-

а в дуплетном любовнике шквал пролетает, и в сфере зубастой тебя зажимает. Пипирка сжирается дерг за задвижку, а в слизистых страх до каленой печенки. Он брызжет в округе и снова втыкается, это шурует впустую в ничто обращается,

и ничего ничегошеньки нет ничего
вхолостую когда шлеп огреха рефре-
на и утро сигает в ничтожное лоно
а то угасает... Вот клетки кружась
поглощаясь нулем чтоб донести
мне под кожу о мнимом запасе,
конечности легкие вены в избытке
всегда и клоун кислотный в херу
оголтелом. Круг бившийся падший
и обретенный горячкой бредухой
напичкан агония сам над собой,
вкрутую забито от жопы до уха, зве-
нящий сочащийся в страх вековой.
Кипит закипает и вновь кипипит
и кончает усталую фазой, во мне
себя дробит на память о шутке из
люльки чумазой... В покойном отце
копошится миры поглощая и враз
замирая яйцом защемленный, дро-
жа-оскверненный на щели мамыши
которая мультка-табу обратится на
рот озлобленный... Напрасно сосок
обрести он стремится, в изнаночных
складках таращит зеницу, нейроны
застрявшие в плоском бассейне, и
рожица как размазня расплелась
колбасня... О кора восковая, желток
роговицы, его дырокругят в глазу
витражи, в саркофаге антропопо-
пики, о папаня трусливейший в
срани-темнице, тебя поглощает
древнейшее неизречение, о гено-
фонд от бедра под завесой забвения,
вот она тащит тебя направляясь к
клозету в трусишках истертых-бесц-
ветных, а вот затворяясь выносит
заржав твои сопли, а вот она дергает
вновь за звонок, а ты задыхаешься
в вопле ма-ма ма-ма-ма тошнота и
блевок... Он дрожит, стариком, и
завалцеликом

лошадь белая вскачь надо рвом
таких неподвижных, еще до рожде-

нья, кончина с пути их сбивает для
легкого поглощения, в чернильный
поток, увлекающий комьями гумус,
они выдают под свой шалый зрачок,
гнойную жижу и вялую лужу по
каплям стекать и под видом мазка-
дерьмеца усыхать. У кровати без-
молвствует гроб как во время благое
когда они совокуплялись взалхб и
little⁹ мумия около них раскололась.
Кровища насквозь продырявлен-
ный нос, что зачатки вдыхает и
мама свое чрез гортань выдувает!
Они растекаются и утекают в леса
порычать и к веку, которому цемен-
товать, что угодно с камнями увяд-
ши цветами. Едва он вопит, сразу
им облегчение, пупсик их вымыт и
тальком присыпан, а папу-шуроп
выдирают со скрипом, и вялым
лежит-пресмыкается в древнем
презрении. Значит: для женщины,
каждый мужчина есть член в со-
стояньи эрекции либо дыра, но не
тело, снабженное членом и годное
быть еще чем-то иным, исключая
дыру. А ударная самка — табу рас-
пусканье весной, ее взлетная полоса
через спазм горловой — алкоголь,
последействие, плевел распухший
хмельной, какашки захват удалой.
Как святая! Ясливая! Стало быть:
ткань-щекотань целит папочке в
лоб если хер ужимается до про-
висала, он дрожит, умирает, все
снова тип-топ и вновь как ни в чем
не бывало. Комедия перекатная без
аппетита, мохнатка отринута враз
в пух и прах, руно-уголек от дидона
засос, шерсть птенцова ширинка
раскрыта, о старик двухкартатный
пропавший-подохший в кухарно-от-
хожих местах!

для того кто рожден как пунктирен и шторен и хочет свести свои вдрызг отражения, нужно скопление случаев пересечение, прыщики-почки мозги как древо над абсолютно пустотой и текучий процесс над узлами-сюжетами, взрыв-искривления суть единение, и социовление через мучение. Так эмбрион попадает успешно в свой класс, хромосома, язык, география, также каналы финансовых масс, промежмышленность, в планах скольжение сроков продаж, и борьба и подъемы в их эпопулении. Это плодилось повсюду, твердилось везде, до того, как сказать получалось я, до того, как горланить я смог своим собственным горлом, и вновь я их вижу, над ними слова-ночники, вот размытые тени в молочной грязи на крутом берегу винопахлом, вино подоспело и воздух соленый, и устье живое в ее стилуете, песком океан и течение рун... На земле шелковистой темные светлые женщины, темная чайка, и ветер норд-вестит, и опьяненная крачками и виноградную кровью, скажешь же тоже, кузен, на двоюродном сленге, ведь море ворует и возвращает нам память... Скажешь же тоже когда синева призывает нас выпить, является лишь синева а затем ослепительна и свежа золотая испарина с каждым подсолнечным шагом все более в благоуханьях вершин ты цветком открываешься мне, китай! Острова моряку все знакомые. Nichts ist gemein¹⁰. Осины сереют смоковницы тоненький срез. Суденьшки в индо. Смешение донное пресс как лепные и черные языки с юго-запада к северу и от севера

до зари. Вознося голоса, где разгружают. И заводы конвейеры шахта сушильня и пальцы избиты. Субъект алгебры охвативший его горячку зверь машинальный согнутый. Гул громовой мозги закрыты-

1 нефритовые анналы

2 человек

3 что видишь? что пьешь?

4 картография питания

5 все вещи, будь они конечные или бесконечные, — определяемы и за исключением Бога могут быть определены разумом

6 все формируется

7 медленно

8 золотые слова

9 маленький

10 ничто есть всеобщее